

Франц
Морак:

«Хочу разбудить равнодушных»

Франц Морак — актер венского Бургтеатра. Сыграл немало ролей. Но предпочитает выступать на рок-сцене. Почему? Наибольший контакт с юной аудиторией он может найти лишь во время концерта. Общение с молодыми, еще не погрязшими в рутине обывательской «философии», — возможность, считает исполнитель, «сообщить им чувство реальности — ответственности за все происходящее».

Родился актер и певец в 1946-м в Гране. Будучи студентом, изучал философию и германистику. Потом его увлек театр. Сын полицейского, он имел мало шансов получить артистическое образование. И только большой талант выручил Франца — ему удалось поступить в театральную студию. Позже работал в Народном театре, в 1975 году пришел в Бургтеатр. И лишь пять лет спустя записал свою первую долгоиграющую пластинку, ко-

торая называлась просто — «Морак». Сам певец определил ее как «диск самоутверждения». Впервые, пожалуй, в австрийской рок-музыке на этом альбоме прозвучало несколько острейших тем, в том числе экологическая, а также тема «тотального одиночества» людей в буржуазном обществе, боязни «компьютерной слежки».

— Образы, ситуации, персонажи моих песен — все это рождается из наблюдений, личного опыта, — рассказывает исполнитель. — Мне остается лишь переложить увиденное и услышанное, прочувствованное на язык поэзии. Вот почему я не могу и не хочу писать такие песни, как Удо Юргенс (коммерческий поп-исполнитель. — А. Н.), — в них много сентиментальности и мало смысла. Это скорее словесно-музыкальные конструкции. Впрочем, такова суть шлягерных композиций — они приукрашивают

неприглядную действительность.

Как я начинал? Сначала задался вопросом: почему вот уже многие годы австрийские популярные исполнители поют исключительно по-английски? Неужели мы не способны выразить наши мысли и чувства на родном языке? И стал писать лет восемь назад свои первые композиции на немецком. Но, к сожалению, тогда не смог «пристроить» ни одной песни — столь велико было засилье американского рока. Мое врожденное упорство все-таки взяло верх — я на собственные средства и на свой страх и риск выпустил несколько пластинок-миньонов.

Успех пришел не сразу. Помогла мне, как ни странно, народная музыка — местные фирмы грамзаписи заработали солидные барыши на австрийском фольклоре, и лишь тогда они решились на эксперимент. Их привлекло дерз-

кое содержание моих композиций — в ту пору слашавые песенки эпохи дискобума порядком всем надоели. Стечение обстоятельств? Не только. Немецкоязычная, и прежде всего австрийская, музыкальная рок-культура начала деградировать: если не брать в расчет коммерческие поп-группы, «ориентированные» на англо-американский рынок сбыта, да еще бездумных крикунов панк-рока, которым нечего сказать, кроме непристойностей, — у нас не было ни одного серьезного рок-исполнителя, музыканта-философа...

Меня называют музыкальным эклектиком. Но не это главное. Большинство моих песен — произведения сугубо политические: я зываю к лучшим сторонам человеческой натуры. Восстаю против «заговора глупости» — стремления наших политиков оболванить «маленького человека», навязать «цен-

ности» пресыщенного общества потребления, подсунуть заведомо гибельное стремление во всем идти на компромисс с властью имущими, лишь бы не потерять теплое местечко, не выделиться из безликой массы и — не дай бог! — заговорить о неустойчивости жизни в западном обществе. А она уже давно пронизана компьютерно-полицейской слежкой, превратилась в систему психиатрических лечебниц для «неблагонадежных».

Есть ли возможность как-то выбраться из болота безучастности? Уверен — да! Хотя сделать это крайне трудно, ведь столько равнодушия вокруг. Признаюсь, начал петь и потому еще, что слишком многие соотечественники до сих пор находятся в летаргическом сне. Мне показалось: вот рок-музыка, она может стать будоражащим импульсом, сумеет пробудить чувства.

— Когда я выхожу на сцену

у себя в Австрии, — продолжает Франц, — вижу не только 12-летних, но и убежденных сединой пожилых людей. Раньше мне казалось «Дешевый рок-н-ролл» (название одной из композиций. — А. Н.) способен увлечь только подростков. Но я ошибался, и в этом — примета времени: если музыка хороша, не может быть в ее восприятии антагонизма между старшими и младшими.

Я видел Морака в спектаклях на сцене МХАТа, когда Бургтеатр гастролировал в Москве. Серьезный, вдумчивый актер. Слышал все три его диска. Пластинки Франца — это книги, исповедальные по искренности и накалу страстей.

...Прощаясь, Франц сказал: «Надеюсь, увидимся. Хотел бы приехать к вам уже не с театром — со своим ансамблем, с новой программой». И, взяв свою только что сделанную на одной из московских улиц фотографию,

написал в уголке: «Читателям «Советской России» — до встречи».

Ал. НАЛОЕВ.
Фото Э. Жигайлова.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. Москва

- 9 МАР 1984